

**Е. П. Блаватская**

## **МОИ КНИГИ**

Некоторое время тому назад один теософ, м-р R\*\*\*, путешествовал поездом с американским господином, который поделился с ним изумлением от своего посещения наших лондонских центров. Он рассказал, как просил мадам Блаватскую посоветовать ему лучшие теософские работы и заявил ей о своем намерении достать "Разоблаченную Изиду", на что, к его удивлению, она ответила: "Не читайте ее, это всё вздор".

Насколько я помню, я не говорила "вздор"; но по сути, я сказала вот что: "Оставьте ее, "Изида" не понравится вам. Изю всех книг под моим именем именно эта худшая и наиболее неудачная в литературном смысле". С той же искренностью я могла бы добавить, что в "Изиде", тщательно проанализированной со строгой литературной и критической точки зрения, открывается множество опечаток и неверных цитат; что она содержит бесполезные повторы, крайне раздражающие отступления от темы, а для случайного читателя, незнакомого с различными аспектами метафизических идей и символов, столь же много явных противоречий; что значительной части материала не должно было быть там вовсе; и также, что там были некоторые очень серьезные ошибки из-за многочисленных изменений в основном при чтении корректуры, и в частности из-за исправления слов. И наконец, что работа по причинам, которые сейчас будут разъяснены, не имеет в себе системы; как заметил один мой друг, она выглядит, по сути, как некая масса независимых параграфов, не имеющих между собой связи, хорошо перетряхнутая в корзине для бумаг, затем вынутая наугад и — опубликованная.

Таково и теперь мое искреннее мнение. Когда я впервые после публикации 1877 года перечитала в Индии в 1881 году всю работу от начала до конца, ко мне пришло полное осознание этой печальной истины. С тех пор и до настоящего времени я всегда говорила то, что я думала о книге, и когда бы ни предоставлялась возможность, я высказывала свое откровенное мнение об "Изиде". Делалось это к ужасу тех, кто предупреждал меня о том, что я ухудшаю ее продажу. Но так как в писании моей главной целью была не слава и не выгода, но нечто гораздо более высокое, я не обращала внимания на такие предупреждения. Этот неудачный "шедевр", эта "монументальная работа", как называют книгу некоторые обозреватели, с ее ужасными превращениями одного слова в другое, полностью менявшими смысл,<sup>1</sup> с её опечатками и неверными цитатами свыше десяти лет доставляет мне больше волнений и хлопот, нежели что-либо еще за всю мою долгую жизнь, в которой всегда было больше шипов, чем роз.

Но несмотря на эти огромные упущения, я утверждаю, что "Разоблаченная Изида" содержит массу новой и до настоящего времени неизвестной информации по оккультным вопросам. То, что это так, доказывается тем, что всеми, кто достаточно умен, чтобы выделить ключевое, не обратив внимание на второстепенное, отдать предпочтение идее, а не форме, не придавая значения ее досадным недостаткам, работа была полностью оценена. Приписывая себе — и как я покажу, за других — все внешние огрехи, чисто литературные дефекты работы, я без страха стать тщеславной отстаиваю ее идеи и учения, ибо как я всегда заявляла, ни идеи, ни учения не являются моими; и утверждаю, что они представляют огромную ценность для мистиков и тех, кто изучает теософию. Также верно, что когда "Изида" была впервые опубликована, многие лучшие американские газеты расточали ей похвалы — вплоть до преувеличения, как явствует из цитат ниже:

"Это монументальная работа... обо всем, имеющем отношение к магии, таинствам, колдовству, религии, спиритуализму, которая незаменима для энциклопедии". — North American Review.

"Следует признать, что это замечательная женщина, читавшая больше, видевшая больше и думавшая больше, чем большинство ученых мужей. Ее работа изобилует цитатами с дюжины различных языков не для пустого хвастовства эрудицией, а для подтверждения собственных взглядов... ее страницы украшены сносками, опирающимися, как и ее источники, на мудрейших писателей прошлого. Для большого числа читателей эта замечательная работа представляет огромный интерес... она требует к себе серьезного внимания мыслителей и заслуживает аналитического чтения". — Boston Evening Transcript.

"Эрудиция ошеломляет. Множество ссылок и цитат из самых неизвестных и непонятных авторов на всех языках чередуются с упоминаниями писателей высочайшей репутации, о которых не скажешь, что их коснулись поверхностно". — N. Y. Independent.

"Крайне читабельное и захватывающее эссе о первостепенной важности возвращения герметической философии в мир, который слепо полагает, что он ее перерос". — N. Y. World.

"Лучшая книга сезона". — Com. Advertiser.

"Для читателей, которые никогда не были знакомы с литературой по мистицизму и алхимии, эта книга предоставит материал для захватывающего изучения — источник любопытной информации". — Evening Post.

"Они свидетельствуют о большой и разнообразной исследовательской работе автора и содержат огромное количество интересных рассказов. Тот, кто любит чудеса, не найдет недостатка в них в этой книге". — New York Sun.

"Удивительная книга как по теме, так и по подходу. Некоторое соображение может быть высказано о редкости и объемности ее содержания — ведь один комментарий составляет пятьдесят страниц — и мы не преувеличим, если скажем, что такой комментарий фактов никем еще раньше не предпринимался... Но книга любопытна тем, что она содержит в себе уникальный материал, и без сомнения ее с радостью примут библиотеки... Она, разумеется, будет интересна всем, кто увлекается историей, теологией и тайнами древнего мира". — Daily Graphic.

"Настоящая работа есть результат необычайного образования и подкрепляет ее репутацию адепта тайных наук, в мистическом знании достигшего ранга иерофанта". — New York Tribune.

"Всякий, кто прочитает эту книгу внимательно, узнает все о необыкновенном и мистическом, исключая, возможно, только тайные символы. "Изида" будет дополнением к "Анакалипсису". Кто любит читать Годфри Хиггинса, тот получит удовольствие и от мадам Блаватской. Между их работами огромное сходство. Обе много говорят обо всем апокриптическом и апокалиптическом. Легко предсказать спрос на эту книгу. Необыкновенное своеобразие, смелость, многосторонность, удивительное разнообразие тем, охватываемых ею, делает эту работу одной из лучших книг столетия". — New York Herald.

Первыми врагами, которые ополчились на мою книгу, были спиритуалисты, чьи фундаментальные теории, будто духи умерших общаются в *prorgia persona*, я отвергаю. За последние пятнадцать лет — со времени первой публикации — на меня изливался непрерывный поток отвратительных обвинений. Любая клевета — от безнравственности и теории "русского шпиона" до вероломной деятельности, того, что я хронический мошенник и олицетворенная ложь, пропойца, агент Папы, купленный для того, чтобы разгромить спиритуализм, и воплощение Сатаны. Всяческое злословие, которое только можно было предположить, обрушивалось на мою личную и общественную жизнь. Ни то, что ни одно из этих обвинений не было подтверждено; ни то, что с первого января до тридцать первого декабря, год за годом, я жила, как в стеклянном доме, окруженная друзьями и недругами, — ничто не могло удержать эти злые, ядовитые и совершенно бессовестные языки. Моими вечно бодрствующими оппонентами в разное время заявлялось: (1) что "Разоблаченная Изида" это просто пересказ Элифаса Леви и некоторых старых алхимиков; (2) что она написана мной под диктовку злых сил и духов умерших иезуитов (*sic*); и наконец, (3) что оба моих тома составлены из рукописей (ранее неизвестных), оставленных после себя Бароном де Пальмом — знаменитым за свою кремацию и двойные похороны, и которые я нашла в его сундуке.<sup>2</sup>

С другой стороны, мои друзья, сколь добрые столь же и неосмотрительные, немного подчеркнуто говорили о связи моей работы с моим Восточным Учителем и другими оккультистами, что действительно являлось правдой; это было подхвачено врагами и раздуто до неприличной лжи. Заявлялось, что вся "Изида" от корки до корки и слово в слово была продиктована мне невидимыми адептами. И так как недостатки моей книги были слишком очевидными, последствия всей этой пустой и злонамеренной болтовни были таковыми, что мои враги и критики заключили — столь проворно, как они это умели, — либо этих невидимых инспираторов не существует, и они лишь часть моего "обмана", либо им не хватает таланта даже среднего писателя.

За чужие высказывания никто ныне не вправе считать меня ответственной, я отвечаю лишь за то, что я утверждала вслух или в публикации за своей подписью. Итак, я заявляю следующее: что исключая прямое цитирование и многие отмеченные выше и упомянутые опечатки, ошибки и неверное цитирование, а также общую верстку "Разоблаченной Изиды", автором которых я не являюсь, (а) каждая крупица знания, изложенная в этой или позднейших работах, исходит из учений наших Восточных Наставников; и (б) что многие отрывки в этих трудах были написаны под их диктовку. Я не утверждаю этим чего-то сверхъестественного, так как такая диктовка не представляет из себя чуда. Любой трезвомыслящий человек, знающий сегодня о многообразных возможностях гипнозизма (принятых и исследованных нынешней наукой) и о феномене передачи мысли, легко признает, что если гипнотизируемый субъект простой невменяемый медиум, слышит невысказанную мысль своего гипнотизера, который может таким образом передавать первому свою мысль, — чтобы быть способным даже повторять слова, ментально вычитываемые гипнотизером из книги, — то тогда мое заявление не содержит ничего невозможного. Для мысли не существует пространства и расстояния; и если два человека находятся в прекрасной взаимной психо-магнетической связи, и из этих двух один — великий адепт оккультных знаний, то передача мысли и диктовка целых страниц на расстоянии в десять тысяч миль становится столь же легкой и понятной, как и передача двух слов в комнате.

До сих пор я воздерживалась — кроме очень редких случаев — от реакции на любую критику моих работ и даже оставляла без опровержения прямую клевету и ложь, так как по отношению к "Изиде" я находила почти всякий род критики законным, а что касается "клеветы и лжи", то мое презрение к клеветникам было слишком велико, чтобы замечать

их. Особым был случай с хулой, пришедшей из Америки. Все это исходило из одного и того же источника, хорошо известного всем теософам, — человека, наиболее неутомимо нападавшего на меня лично последние двенадцать лет,<sup>3</sup> хотя этого создания я никогда не видела и не встречала. Не собираюсь я отвечать ему и сегодня. Но так как ныне "Изида" подвергается нападению уже, по крайней мере, в десятый раз, настало время, чтобы мои недоумевающие друзья и все те, кто симпатизирует теософии, узнали всю правду — и ничего кроме правды. Не то, чтобы я даже перед ними хотела просить извинения или "оправдываться". Я собираюсь просто предоставить факты, неопровержимые и не противоречащие друг другу, излагая своеобразные, хорошо известные многим, но теперь почти забытые обстоятельства написания моей первой английской работы. Я дам их по порядку.

(1) Когда я приехала в Америку в 1873 году, я не говорила по-английски — в детстве я училась разговорному — более тридцати лет. Я понимала, что я читаю, но едва могла говорить на языке.

(2) Я никогда не получала образования ни в каких колледжах, и всему, что я знала, я научилась сама; я никогда не претендовала на ученость современных исследователей; тогда я с трудом читала какие бы то ни было европейские научные работы и мало знала о западной философии и науке. То немного, что я изучила и узнала из этого, внушило мне отвращение своим материализмом, своей ограниченностью, узким банальным духом догматизма и своей атмосферой превосходства над философией и наукой древности.

(3) До 1874 г. я не написала ни слова по-английски и не опубликовала ни одной работы ни на каком языке. Следовательно —

(4) Я не имела ни малейшего представления о литературных законах. Искусство написания книг, их подготовка к печати и публикации, чтение и правка гранок являлись для меня неведомыми секретами.

(5) Когда я начала писать то, что позже вылилось в "Разоблаченную Изиду", у меня было не больше представления, что получится из этого, чем у тщеславного невежды. У меня не было плана; я не знала, будет ли это книгой, эссе, памфлетом или статьей. Я знала только, что я должна написать ее, и всю. Я начала работу еще до того, как близко познакомилась с полковником Олькоттом, и за несколько месяцев до образования Теософического общества.

Итак, как поймет каждый, условия для создания английской теософской и научной работы были вполне многообещающими. Тем не менее, мне удалось написать на четыре таких тома, как "Изида", прежде чем представить свою работу полковнику Олькотту. Разумеется, он сказал, что все — за исключением продиктованных страниц — следует исправить. С тех пор мы принялись за наши литературные труды и работали вместе каждый вечер. В некоторых страницах он правил английский, и их я переписывала; те, которые не поддавались никакой беспощадной корректуре, он обычно надиктовывал прямо с текста, англизируя словесно мои практически неразборчивые рукописи. Именно ему я обязана английским в "Изиде". Он же предложил разделить работу на две части, первый том посвятить НАУКЕ, а второй — ТЕОЛОГИИ. Для этого нужно было пересмотреть весь предмет и многие его части; необходимо было исключить повторения и улучшить литературные связи между элементами. Когда работа была готова, мы показали ее профессору Александру Уайлдеру, известному ученому и платонисту Нью-Йорка, который, прочитав труд, рекомендовал его для публикации м-ру Бартону. Вслед за полковником Олькоттом профессор Уайлдер оказал мне неоценимую помощь. Именно он

составил превосходный комментарий, исправил греческие, латинские и еврейские слова, предложил цитаты и написал большую часть введения "Перед Завесой". То, что это не было указано в книге, вина не моя, но твердое желание д-ра Уайлдера, чтобы его имя не фигурировало нигде, кроме сносок. Я никогда не делала тайны из этого, и об этом знал любой из моих многочисленных знакомых в Нью-Йорке. Итак, подготовленная, книга пошла в печать.

С этого момента и начались настоящие трудности. Я не имела ни малейшего представления о правке гранок. Заниматься этим полковнику Олькотту не позволяло время; поэтому я с самого начала все перепутала. Счет в шестьсот долларов за правку и переделку пришел, когда мы еще не закончили и трех частей, и мне пришлось бросить корректуру. Под давлением издателя полковник Олькотт делал все от него зависящее, но у него не было другого времени, кроме вечеров, д-р Уайлдер находился далеко в Джерси-Сити, в результате, гранки и страницы "Изиды" прошли через множество энергичных, но неаккуратных рук, и в конце концов были отданы на милость издательского корректора. Стоит ли удивляться после этого, что в напечатанных томах "Вайвасвата" (Ману) превратилась в "Вишмавитру", что тридцать шесть страниц комментария были непоправимо потеряны, а кавычки поставлены без всякого смысла (даже в некоторых моих собственных предложениях!) и пропущены во многих отрывках, цитированных из других авторов?

На вопрос, почему эти фатальные ошибки не были исправлены в последующем издании, мой ответ будет прост: гранки были стереотипными; и несмотря на все мое желание что-то изменить, я ничего не могла сделать, так как гранки являлись собственностью издателя; у меня не было денег оплачивать расходы, а фирму, в конце концов, устраивало оставить все как есть, ибо работа, — ждущая уже своего седьмого или восьмого издания — несмотря на ее явные недостатки, все еще пользуется спросом.

И сегодня — и возможно вследствие всего этого — возводится новое обвинение: в тотальном плагиате вводной части "Перед Завесой"!

Хорошо, если я совершила плагиат, то я не почувствую ни малейших колебаний, чтобы признать и "заимствования". Но, напротив, у меня нет никакого желания признавать "параллельные места", так как у меня их не было; пусть даже "передача мыслей", как метко замечает "Pail Mall Gazette", и в моде и в почете. С тех пор, как американская пресса подняла вой против Лонгфелло, который, заимствовав из какого-то (тогда неизвестного) немецкого перевода финского эпоса Калевалы, опубликовав ее как собственную величественную поэму "Песнь о Гайавате" и забыл указать ее источник, континентальная печать неоднократно высказывала и другие подобного рода обвинения. Нынешний год особенно богат на такие "передачи мысли". Здесь и Мэр Лондона, повторяющий слово в слово старую забытую проповедь м-ра Спургсона и клянущийся, что никогда не читал и не слышал о ней. Революционер Роберт Брэдло пишет книгу, и "Pail Mall Gazette" тут же опровергает ее как буквальную копию чьей-то чужой работы. У м-ра Гарри де Виндта, путешественника по Востоку, в его только что вышедшей в лондонской книге "Путешествие в Индию через Персию и Пакистан" F.R.G.S. в придачу находит параллельные страницы со "Страной Пакистан" А. В. Хьюга, идентичные *verbatim et literatim*. Миссис Парр отрицает в "British Weekly", что ее роман "Сэлли" сознательно или бессознательно заимствован из "Сэлли" мисс Уилкинс, и утверждает, что она не читала вышеупомянутой книги и не слышала имени ее автора и т.д. Наконец, всякий, кто читал "Жизнь Иисуса" Ренана, найдет, что автор по предвидению совершил плагиат некоторых описательных эпизодов из плавных стихов "Света Мира". Также даже сэръ Эдвин Арнольд, многообразному и признанному таланту которого не требуется чужого воображения,

забыл поблагодарить французских академиков за свои картины горы Табор и Галилеи в прозе, которые он так элегантно переложил на стихи в своей последней поэме. Впрочем, в этой фазе нашей цивилизации и *fin de siècle*, можно почитать за счастье войти в такую замечательную и многочисленную компанию как — плагиатор. Просто я не могу претендовать на такую привилегию, ибо, как я уже сказала, — изо всей вводной части "Перед Завесой" я заявляю как о своих только об определенных отрывках из глоссария, прилагаемого к ней, в разделе платонизма, который ныне преподносится как "бесстыдный плагиат", написанный профессором А. Уайлдером.

Этого джентльмена, ныне живущего в Нью-Йорке или недалеко от него, могут спросить, истинно мое утверждение или нет. Он слишком благороден и учен, чтобы чего-то бояться и поэтому отрицать. Он настаивал на том, чтобы к введению присоединить своего рода глоссарий, объясняющий греческие и санскритские названия и слова, которыми изобилует работа, а также помог в этом. Я попросила его написать краткую статью о платоновских философах, которую он любезно предоставил. Таким образом, со стр. 11 по стр. 22 текст его, за исключением некоторых вставок, прерывающих рассказ о платоновских философах до того, чтобы показать идентичность их идей с идеями индуистских священных книг. Сегодня, кто знающий д-ра А. Уайлдера лично либо его имя, кто отдает себе полный отчет в огромной эрудиции этого выдающегося платониста, редактора многочисленных научных трудов,<sup>4</sup> станет столь безрассуден, чтобы обвинять его в "плагиате" чужих работ! В сносках я даю названия нескольких платоноведческих и других работ под его редакцией. Обвинения оказываются просто абсурдными!

Дело в том, что д-р Уайлдер, должно быть, либо забывал поставить кавычки перед и после отрывков, выписываемых им в свою статью у разных авторов, либо из-за своего очень неразборчивого почерка забывал отмечать их с достаточной тщательностью. Невозможно по прошествии почти пятнадцати лет вспомнить и проверить все факты. До сегодняшнего дня мне представлялось, что это исследование платоников было его собственным, и более ничьим. Но ныне враги выискали отрывки без кавычек и объявили д-ра Уайлдера, пожалуй, еще крикливее, чем автора "Разоблаченной Изиды", плагиатором и мошенником. Возможно, найдут и большее, коли эта моя работа неисчерпаема по части неверного цитирования, опечаток и ошибок, за которые я не могу признать себя "виновной" в общепринятом смысле. Однако, пусть клеветники злословят и далее, только и в следующие пятнадцать лет, как и в прошедшие, они увидят, что что бы они ни делали, они не в силах ни сокрушить теософии, ни причинить мне вреда. У меня нет авторского тщеславия; и годы несправедливых гонений и оскорблений сделали меня совершенно равнодушной к тому, что публика может подумать обо мне лично.

Но ввиду вышеизложенных фактов, а также учитывая, что:

(а) Язык в "Изиде" не мой, но (за исключением той части работы, которая, как я заявляю, была продиктована) может быть назван только какой-то разновидностью перевода моих данных и идей на английский;

(б) Это написано не для широкой публики (что, однако, имеет для меня второстепенное значение), но для узкого круга теософов и членов Теософического общества, которым "Изида" и посвящена;

(в) Несмотря на то, что я с тех пор изучила английский язык в достаточном объеме, прежде чем сотрудничать с двумя журналами ("Теософист" и "Люцифер"), в настоящее время я никогда не пишу статью, передовицу или даже просто короткую заметку без того, чтобы не подвергнуть свой английский язык окончательной проверке и исправлению.

Учитывая всё это и многое другое, я ныне спрашиваю всех справедливых мужчин и женщин, заслуженно ли, и даже законно ли, критиковать, как работу урожденного американца или англичанина, мои труды — и прежде всего "Изиду"! То, что я утверждаю в них от своего имени, есть плод моего изучения и исследования области, до настоящего времени остававшейся незнакомой науке и почти неизвестной в европейском мире. Лавры и похвалы за английскую грамматику, за цитаты из научных работ, пригодившихся мне, чтобы отрывки из них использовать для сравнения или для опровержения старой науки и, наконец, за общую структуру томов, я с радостью уступаю всем, кто помогал мне. Даже в случае с "Тайной Доктриной" около полудюжины теософов работали над редактированием, помогая организовать материал, исправить несовершенный английский и подготовить книгу к печати. Но ни один из них, с первого до последнего, никогда не станет претендовать на фундаментальную доктрину, философские заключения и учения. Ничего этого я не изобрела, а только провозгласила, как была научена; или, цитируя в "Тайной Доктрине" Монтеня (Vol.1, p.46): "Я составил лишь букет из отборных (восточных) цветов и не привнес ничего от себя, кроме ниточки, связывающей их".

Сможет ли хоть кто-то из моих помощников сказать, что я не заплатила полной цены за ниточку?

27 апреля 1891 г.

---

1. Например, слово "планета" вместо оригинально написанного "цикл", исправленное чьей-то неизвестной рукой (том 1, стр. 347, 2-ой абзац); это "исправление" так представляет учение Будды, будто нет перерождений на планете (!), в то время как на стр. 346 утверждается обратное и говорится, что Господь Будда учит, как "избежать" реинкарнации; также использование слова "планета" вместо слова "план", "Монады" вместо "Манаса"; смысл целых идей приносится в жертву грамматической форме, он меняется из-за подстановки неправильных слов и неверной пунктуации и т. д., и т. д., и т. д.

2. После этого австрийского дворянина, который проживал в Нью-Йорке в полной нищете, и которому полковник Олькотт предоставил кров и пищу, ухаживая за ним в последние недели его жизни, не осталось ничего, кроме счетов. Единственной собственностью барона был старый чемодан, в котором его "душеприказчик" нашел оббитого бронзового купидона, несколько иностранных орденов (проданные как золотые и алмазные подделки из фальшивых драгоценностей и клея) и несколько рубашек полковника Олькотта, которые экс-дипломат позаимствовал без разрешения.

3. Я не стану называть его имени. Есть имена, которые несут в себе моральную нечистоту и не могут появиться в любом приличном журнале или публикации. Его слова и дела исходят из слоаса *maḥima* материальной вселенной и должны вернуться туда, не касаясь меня.

4. А. Уайлдер, М. Д., редактор "Культа Змия и Шивы" Гайда Кларка и К. Станиланд Вэйка; "Древнего искусства и мифологии" Ричарда Рэйна Найта, к которому редактор написал Вступление, перевел на английский Замечания и добавил новый и полный Комментарий; "Древнего культа символов" Годдера М. Вестроппа и К. Станиланд Вэйк, со вступлением, дополнительными замечаниями и приложением редактора; и наконец, "Элевсианских и вакхических мистерий"; "Диссертация" Томаса Тэйлора, переводчика Платона, Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Прокла, Аристотеля и др., с введением, замечаниями, изменениями и глоссарием, под редакцией Александра Уайлдера М. Д.; а также автор различных ученых работ, памфлетов и статей, которые мы не имеем места указать здесь. Он также редактор "Olde Academy", ежеквартального нью-йоркского журнала, и переводчик "Мистерий" Ямвлиха.

[К оглавлению книг Блаватской](#)